

ЛЮДИ в общем-то не любят собственной персоной вызывать смех окружающих. Наоборот, большинство из нас желает внушать чувства высокие или нежно-лирические.

Так и в искусстве. Едва ли не в каждом театре есть актеры, всю жизнь живущие с горькой неуверенностью: их призвание — Гамлет или Жадов, а им, увы, достаются только роли характерные или комические. Совсем недавно на одном молодежном концерте актер читал «Записки сумасшедшего» Гоголя. Юноша безумствовал, захваченный трагической стихией, а в зале зрители давились от хохота. Рожденный, как видно, способным комиком, молодой человек с упорством уклоняется от своего собственного пути...

Особенностью другого молодого, актера — Владимира Михайловского можно считать то, что, еще учась в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии, он (естественно, с помощью учителей Т. Г. Сойниковой и З. Я. Корогодского) верно обнаружил свою истинную творческую природу и твердо следовал в дальнейшем открывшемуся в нем предназначению.

Он комик. Не в смысле давно отжившего театрального амплуа, а именно по органической природе, по характеру своего взгляда, своего отношения к вещам. Все, что он хочет сказать со сцены, он должен говорить с улыбкой, усмешкой. Все — через смех. Но очень разный.

...Окончив в 1962 году институт, Михайловский около трех сезонов проработал в ТЮЗе. С насмешкой ядовитой и суховатой играл он Дуремара в «Золотом ключике», Царя в «Коньке-Горбунке».

В самостоятельной работе молодых актеров — «Антигона» Жана Ануя (режиссер Е. Шифферс) он выступил в роли стражника Жона. Его смех стал более личным, теснее связанным с его собственными чувствами и мыслями. И оттого он оказался аналитичней, сосредоточенней и целеустремленней. Именно актерский юмор помог различить и передать важные оттенки и подробности в сценической жизни Жона, а затем подчинить их самому главному, самому характерному в нем.

Стражник — туповатый слуга короля. Он туповат и точим вечным страхом, вечной подозрительностью. Страх при-

балял ему неразумия и в то же время наделял своеобразной энергией. Именно так, сочетая различные чувства, относился Жона к маленькой, слабой, но отважной Антигоне. Покриывая на нее, Жона ее страшился.

Став актером Областного театра драмы и комедии, Михайловский много работает. Список его ролей быстро растет.

В «Северной Одиссее», пье-

скас о нелепой жизни щупленького стареющего итальянца до больших высот сочувствия и внимания к человеку. Феличе был добр, прост, способен поверить в то, во что давно уже не верит ни один благоразумный буржуа. Билась в нем теснимая всем окружением человечность, искала опоры надежда.

Так смех соединился с любовью и грустью. Так, пойдя путем комедии, актер как раз

ной жизни — то беглая хитринка, то скрытая злость в его речах, его глазах. Все-таки он не только чудак и простака. Он — торговец и бьется за свое местечко под солнцем всеми доступными в его положении способами.

Однако же смешной и суетный Жоан Гангорра сам попадает в тенета куда более искусной хитрости. Богатый бездельник заставляет его стать мужем своей любовницы. Такой ничтожный человек кажется самым надежным для фиктивного брака. Но в Жоане остался, как скоро обнаружится, маленький островок любви и гордости.

И начинается тяжкий труд души, выбивающейся из-под гнета мелочных забот, привычной непрямоты. Жоан оскорблен фальшивым браком. И, может быть, впервые испытывает он не сиюминутное огорчение, а истинное человеческое горе.

В своем объяснении с Мариэттой он по-прежнему смешон — и тем смешнее, чем искреннее и мучительнее его чувства. Комичны горестнопылкие движения. Голос не подчиняется ему. Но душа очищается — этого не может не оценить милая Мариэтта, до того знавшая только сытую спесь и церемонный обман.

Жоан остается смешным человеком. Но он любит, страдает и уже находит силы не поддаться унижению...

Во всех работах В. Михайловского, даже лучших, есть пока свои пробы и просчеты. На то существуют разные причины. Пьесы, в которых он занят, как правило, не первоклассные, постановки их — тоже. И сам актер не всегда до конца утверждает в своем интересном замысле, не везде проводит его с полной, настойчивой последовательностью.

И все-таки достиг он многого. Его смех, ничего не теряя в своей свободе и естественности, в своей органической веселости, делается все более глубоким и многоликим.

Михайловскому еще не пришлось особенно интересно представить со сцены своих сверстников и современников. Но в том, как и над чем он смеется, чему сочувствует, разве не узнается наш молодой современник, его взгляд, его нравственная позиция? Согласитесь, что так оно у Михайловского и есть. В этом прежде всего и сила и обаяние его смеха, в этом и право на наше внимание к его актерским работам.

Е. КАЛМАНОВСКИЙ

КОМИК

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

се, до крайности бедной содержанием, он старался просто развеселить зрителей — во что бы то ни стало. Над незадачливым Митей-зоотехником действительно смеялись, но, честно говоря, ни цели, ни смысла, ни живой наблюдательности в этой актерской работе не было. Получилась лишь умелая комбинация известных комедийных приемов, актерское ремесло, уверенное, но пустое.

Были и еще работы, не оставившие заметного следа ни в жизни актера, ни в воспоминаниях зрителей.

Другое дело — Феличе в «Доме сумасшедших». Михайловский на сей раз (помощницей ему была сама пьеса Эдуардо Скарпетти) достиг иных берегов. Никогда еще в его работах не проявлялся так определенно сплав комического и драматического, именуемый «трагикомедией».

Маленький смешной человек с нелепыми повадками вертится на сцене. Феличе — постоянная жертва глупейших обманов. Он не понимает того, что просто невозможно, казалось бы, не понять никому, с невероятной наивностью не замечает расставленных вокруг него сетей корысти и лжи.

Сценические краски Михайловского в этой роли были мягкими и разнообразными. Он играл свободно, подвижно, невинно смешно, доходя в некоторых сценах до настоящей комедийной виртуозности. Притом он сумел поднять рас-



на этом пути стал открывать для себя и для нас возвышенное и трогательное.

Потом он вывел на сцену Жоана Гангорру, бразильского чудака из комедии «Эта женщина — моя!»

Торговец в мясной лавке выглядит грубей, чем Феличе. Он и смешон иначе, хотя тоже комически нелеп в своих манерах и ухватках, в своей увлеченности пустяками. Прямо-таки с пылом и страстью рассказывает он о ценах на мясо, об обвесе, о странной покупательнице, зашедшей в лавку. И одновременно с этой пошлой поглощенностью мелкими впечатлениями обыден-

КОМЕНТАРИИ

13 ЯНВ 1966